

Использование термина «Глобальный Юг» в дискурсе объединения БРИКС

И. Н. Новикова¹, Е. В. Алексеева²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹*i.novikova@spbu.ru*

²*elalexeeva000@mail.ru*

Аннотация.

В данной статье представлен анализ особенностей употребления термина «Глобальный Юг» в дискурсе БРИКС. Цель исследования заключается в оценке возможности формирования единого подхода к концепции «Глобального Юга» в рамках БРИКС. В исследовании используются метод оценки эффективности дискурса, разработанный ученым Академии общественных наук КНР Юэ Шэнсунгом, а также элементы дискурс-анализа и историко-генетического метода. Метод Юэ Шэнсунга позволяет моделировать процесс конкуренции государства-лидера и возвышающихся держав в дискурсивной системе. Применение означенного метода обусловлено необходимостью выявить потенциал стран БРИКС в качестве новых акторов в концептуализации «Глобального Юга». Элементы дискурс-анализа проявляются в определении подходов стран БРИКС к Глобальному Югу на базе текстов деклараций по итогам саммитов объединения. Историко-генетический метод используется для выявления причин появления новых интерпретаций понятия «Глобальный Юг» в исторической перспективе. В результате проведенного исследования было выявлено, что в настоящее время единый подход стран БРИКС к определению «Глобального Юга» еще не сформирован. Страны объединения БРИКС предлагают различные варианты его концептуализации. В статье выделяются три основных подхода к интерпретации понятия «Глобальный Юг». Воспроизводство термина в дискурсе БРИКС будет зависеть от политической воли Бразилии, Индии и ЮАР, заинтересованных в актуализации повестки «Глобального Юга», согласования общей позиции стран объединения по конкретизации содержания указанной повестки для ее дальнейшего международного продвижения от имени объединения.

Ключевые слова: БРИКС, «Глобальный Юг», сотрудничество по линии Юг–Юг, дискурс БРИКС, декларации БРИКС

Для цитирования: Новикова И. Н., Алексеева Е. В. Использование термина «Глобальный Юг» в дискурсе объединения «БРИКС» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общие-ственные науки. 2025. Вып. 2 (859). С. 44–52.

Original article

Usage of the Term “Global South” in the BRICS Discourse

Irina N. Novikova¹, Elena V. Alekseeva²

^{1,2}Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

¹*i.novikova@spbu.ru*

²*elalexeeva000@mail.ru*

Abstract.

This article presents an analysis of the particularities of the usage of the Global South term in the BRICS discourse. The purpose of the study is to assess the possibility of developing a unified approach to the concept of the "Global South" within the BRICS. The research methods employed include Yue Shengsong's model of ideational projection and discourse efficiency evaluation, as well as elements of discourse analysis and historical-genetic method. Yue Shengsong's model describes the process of competition between the leader state and rising powers for the formation of a discursive

system. The present study utilizes it to identify the potential of the BRICS states as new actors in the conceptualization of the "Global South". Features of discourse analysis are present in determining the approaches of the BRICS members to the "Global South" based on the Association's Summit Declarations. The historical-genetic method is used to identify the reasons for the emergence of new interpretations of the concept of the "Global South" in historical perspective. This study demonstrates that a common approach to defining the "Global South" has not been formed within the BRICS. The BRICS members have different ways of its conceptualization: the article distinguishes at least three approaches to interpreting the "Global South". The re-emergence of the term in the BRICS discourse is subject to the political will of Brazil, India and South Africa, interested in promoting the agenda of the "Global South", and the consensus among the BRICS states on the content of said agenda in order to advance it at an international level.

Keywords: BRICS, «Global South», South-South cooperation, BRICS discourse, BRICS Declarations

For citation: Novikova, I. N., Alekseeva, E. V. (2025). Usage of the Term «Global South» in the BRICS Discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 2(859), 44–52. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время происходит усиление геополитического и экономического влияния объединения БРИКС, что обеспечивает повышенный интерес международного сообщества к дискурсу объединения: политическим заявлениям на уровне стран-членов и совместным документам, в первую очередь, – итоговым декларациям саммитов. Последние отражают согласованную позицию государств БРИКС: появление новых сюжетов и формулировок в декларации свидетельствует об общем интересе, а в случае их закрепления в последующих итоговых документах – достижении консенсуса и возможности совместных практических действий. За исключением России, все члены БРИКС относятся (или причисляют себя) к «Глобальному Югу»; интерес к сотрудничеству или вступлению в объединение проявляют преимущественно страны, также входящие в данную категорию. Указанные обстоятельства обеспечивают потенциал БРИКС в формировании и продвижении собственной концепции «Глобального Юга». Таким образом, представляется целесообразным определить характер использования термина «Глобальный Юг» в официальном дискурсе объединения. Целью исследования является оценка возможности формирования единого подхода к концепции «Глобального Юга» в рамках БРИКС.

В отечественной науке вклад в концептуализацию «Глобального Юга» внесли Д. А. Дегтерев, И. Ю. Кисленко, П. П. Яковлев, А. В. Кортунов, А. В. Яковенко, Т. Г. Апалькова, К. Г. Левченко, А. В. Худайкулова и другие. Социолог И. Ю. Кисленко проследил происхождение и текущее употребление термина посредством его противопоставления «Глобальному Северу» в экономическом, политическом и социальном аспектах [Кисленко, 2020]. Профессор

РУДН Д. А. Дегтерев указал на трансформацию идентичности стран «Глобального Юга» в контексте «постколониального момента» [Дегтерев, 2023]. Опираясь на оценку статистических показателей, экономисты-математики Т. Г. Апалькова и К. Г. Левченко уточнили актуальность указанной социально-экономической дихотомии «Север – Юг» [Апалькова, Левченко, 2021]. Известный ученый-латиноамериканист П. П. Яковлев рассмотрел «Глобальный Юг» с точки зрения исторической и экономической схожести формирующих его государств и возможности их участия в глобальном управлении [Яковлев, 2023а]. Известный российский политолог А. В. Кортунов аналогично подошел к определению группы стран, входящих в «Глобальный Юг» [Кортунов, 2020]. Специалист по международным отношениям МГИМО МИД России А. В. Худайкулова дополнила характеристику данных стран факторами внутривнутриполитической ситуации, конфликтогенности и их международной роли [Худайкулова, 2020]. Известный российский дипломат, ректор Дипломатической академии МИД России (2019–2024) А. В. Яковенко предложил рассматривать «Глобальный Юг» через призму более широкой концепции «мирового большинства» [Яковенко, 2024].

Наиболее глубоко проблематика «Глобального Юга» разработана в публикациях китайских ученых. Их исследования можно разделить на следующие группы:

- анализ дискурса Глобального Юга;
- концепция Глобального Юга и ее теоретическое оформление;
- участие стран Глобального Юга в глобальном управлении и трансформации миропорядка;
- страновые подходы к восприятию глобального Юга.

К первой группе можно отнести публикации заместителя директора Китайского университета иностранных дел Сунь Цзишэн¹ и профессора университета Цинхуа Ши Аньбина [朱泓宇, 史安斌, 2024]. Профессор Сямэньского университета Чжоу Гуйинь [周桂银, 2024] внес вклад в разработку концепции «Глобального Юга» в рамках теории международных отношений. Исследованиями исторической и текущей роли Глобального Юга в международных отношениях занимаются профессор Китайского народного университета Цуй Шоуцзюнь², профессор Пекинского университета Ли Аньшань³, заместитель директора института международных стратегических исследований Центральной партийной школы КНР Ян Хуэй. Чжан Лунфэй [张龙飞, 2024] – исследователь Шанхайского университетов иностранных языков, а также сотрудники центра исследований Южной Азии Сычуаньского университета Чжан Ли и Синь Илунь [张立, 辛逸伦, 2024] являются авторами статей, посвященных политике Индии в контексте усиления «Глобального Юга». Ключевым представляется коллективное исследование китайских экспертов на стыке проблематики «Глобального Юга» и БРИКС «“Большой БРИКС” и “Глобальный Юг”: сотрудничество, управление и трансформация» [徐飞彪, 王友明, 翟崑等, 2024].

Теоретической основой данного исследования выступает модель концептуального проецирования и оценки эффективности дискурса, разработанная в рамках дискурсивного институционализма Юэ Шэнсуном, исследователем Академии общественных наук КНР [岳圣松, 2023]. Модель представляет собой синтез идей основоположников и вдохновителей указанной теории: Д. Кэмпбела, В. Шмидта, М. Б. Карстенсена, Д. Белана, Ф. Дэбри и др.

Модель Юэ Шэнсуна описывает процесс формирования дискурсивных систем и конкуренцию государства-лидера с возвышающимися державами за первенство в данном процессе. Основа дискурсивных систем представлена концепциями, разделенными на три группы: политические, программные и философские. Политические концепции определяют конкретные действия политического руководства в соответствии с соотношением собственных интересов и влияния; программные – формируют модели поведения в определенном

наборе типовых ситуаций, ускоряя процесс принятия решений; философские концепции – это системы ценностей и норм, продиктованных социальным контекстом. Проецирование концепций первых двух групп формирует семантическое поле, на базе которого возникают координационный и коммуникативный дискурсы. Координационный дискурс – однонаправленное обращение возвышающихся государств к лидирующему актору с указанием недостатков разработанной под его эгидой институциональной системы. Эту систему и ее центрального разработчика упрекают в несправедливости, неэффективности, диспропорции между различными направлениями его деятельности. Коммуникативный дискурс – это стремление лидирующего актора универсализировать собственные идеи для выработки защитной реакции на координационный дискурс возвышающихся государств. В свою очередь, философские концепции формируют ценностный контекст для возвышающихся государств и государства-лидера. Выявление возможности формирования новой дискурсивной системы требует особых условий. Так, для того чтобы выработать новые идеи, необходимо включить координационный дискурс (вид социальной практики) в ценностный контекст (совокупность взаимосвязанных философем). Сложившийся двуединый конструкт целесообразно включить в ценностный контекст государства-лидера. Таким образом, путь к новым моделям общественного устройства требует как аналитической, так и синтетической разработки.

Возвышающимися государствами выступают соответственно страны БРИКС, а лидирующим актором – «коллективный Запад»⁴ во главе с США. Конкуренция выражается в намерении БРИКС

⁴«Коллективный Запад» – это геостратегическая конструкция, основу которой составляют правящие элиты стран, демонстрирующих внешнее единство по основным вопросам мировой политики и экономики на основе веры в нерушимость ценностей либеральной демократии и рыночной экономики, а также выраженного стремления к распространению этих ценностей вовне. Включает в свой состав «географический» Запад (США, Канаду, Великобританию, страны Евросоюза), а также ряд стран из других регионов мира, имеющих тесные военно-политические связи с США (в том числе Японию, Южную Корею, Австралию и др.). На современном этапе для «коллективного Запада» характерно продвижение образа России как угрозы. Устойчивое словосочетание «коллективный Запад» активно используется в последние несколько лет в общественно-политическом дискурсе России и некоторых других стран. Если ранее термин встречался, в основном, в современных медиа, то с началом украинского кризиса широко используется в речи государственных деятелей РФ (см.: выступление Президента России В. В. Путина, на встрече с лидерами фракций Государственной Думы: «Так называемый коллективный Запад во главе с США на протяжении десятилетий ведет себя по отношению к России исключительно агрессивно» // ТАСС 7.07.2022; интервью от 28.12.2022 Министра иностранных дел России С. В. Лаврова: «С нами воюет коллективный Запад во главе с ядерной державой – США...» // 1 канал; выступление Заместителя Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ К. И. Косачева: «Коллективный Запад – главный вызов человечеству в XXI веке» // Российская газета.3.05.2022).

¹孙吉胜. “全球南方”国际话语权的构建及前景 = 孙吉胜. Formирование и перспективы международной дискурсивной силы “глобального Юга”. URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2024-07/25/content_117330173.shtml (дата обращения: 07.03.2025).

²崔守军. “全球南方”崛起的动因与影响 = 崔肖肖. Причины и последствия возвышения “глобального Юга” URL: <http://www.rmlt.com.cn/2023/1218/690520.shtml> (дата обращения: 07.03.2025).

³李安山. 世界秩序变革中的“全球南方” = 李安山. “Глобальный Юг” в меняющемся миропорядке. URL: <http://www.rmlt.com.cn/2023/1225/691172.shtml> (дата обращения: 07.03.2025).

повысить собственную дискурсивную силу как представителя интересов «Глобального Юга», а западных стран – сохранить ведущую роль в определении международной повестки, в том числе повестки «Глобального Юга». В данном исследовании будет рассмотрен координационный дискурс стран БРИКС, применимый к пространству Глобального Юга. К данному дискурсу относятся, в частности, используемые политические и программные концепции. Консолидации стран – членов БРИКС способствуют заявления их руководства, отражающие представления о «Глобальном Юге». Означенные программные концепции не носят обязывающего или даже рекомендательного характера. Однако они содержатся в декларациях саммитов БРИКС и отражают приоритетные направления сотрудничества стран – членов БРИКС. Для понимания общемирового дискурсивного контекста представляется необходимым рассмотреть международную практику применения термина.

Наряду с общенаучными методами в исследовании использованы элементы дискурс-анализа. Они способствуют определению подходов стран БРИКС к «Глобальному Югу». В настоящей статье был использован также историко-генетический метод. Он эффективен для установления причин возникновения той или иной интерпретации понятия «Глобальный Юг» в различных фазах исторического времени.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕРМИНА «ГЛОБАЛЬНЫЙ ЮГ»

С момента первого использования в 1969 году термин «Глобальный Юг» прочно вошел в международный академический дискурс, а также стал неотъемлемой частью политического языка целого ряда развивающихся стран [Melo, Buckhart, 2022]. В 1969 году писатель и политический активист левого толка Карл Огелсби в специальном выпуске журнала *Commonwealth* впервые употребил термин «Global South» как объект распространения американского империализма в политических условиях войны во Вьетнаме [там же]. Экономическое и географическое определение понятия «Глобальный Юг» получило в докладе 1980 года «North-South: A Program for Survival» [Кисленко, 2020], подготовленном Независимой комиссией по проблемам международного развития под руководством бывшего канцлера ФРГ Вилли Брандта. В публикации отмечалось наличие пропасти в развитии между странами Южного и Северного полушарий: экономики, располагавшиеся ниже условно проведенной линии – так называемой *линии Брандта*, отличались сравнительно низким ВВП на душу населения.

В настоящее время данное разделение представляется устаревшим, поскольку «линия Брандта» проводилась без учета ряда ключевых показателей, например, смертности населения [Апалькова, Левченко, 2021]. После окончания холодной войны «Глобальный Юг» стал считаться более приемлемой альтернативой понятию «Третий мир». Со второй половины 1990-х годов термин получил распространение в международном политическом дискурсе, а с начала XXI века наблюдался устойчивый рост его упоминаний в научных публикациях [Hempel, Ranke, 2014]. В международно-политическом дискурсе представителей социума и дискурсе международных организаций, в частности, термин «Глобальный Юг» используется Всемирным банком для обозначения группы азиатских, африканских и латиноамериканских стран с низким и средним доходом на душу населения [Кисленко, 2020].

В настоящее время «Глобальный Юг» – наиболее часто используемая и политически нейтральная концепция, обозначающая государства, не относящиеся к западному миру или развитым странам. Некоторые исследователи указывают на объективную общность стран «Глобального Юга», которые формируют сеть политического, финансового и торгово-экономического взаимодействия [Яковлев, 2023а] и обладают большим потенциалом коллективного участия в глобальном управлении [Яковлев, 2023б] вплоть до обретения данной общностью международной субъектности [Дегтерев, 2023]. Несмотря на широкое использование в политических заявлениях, смысловая нагрузка термина «Глобальный Юг» различна даже в рамках одного дискурса. В некоторых интерпретациях «Глобальный Юг» рассматривается как продолжение движения неприсоединения, претендующее на независимый политический курс, в других – «семья развивающихся стран и стран с формирующимися рынками». Периодически используется географическое измерение термина: страны Латинской Америки и Карибского бассейна, Африки, Азии и Океании, за исключением ассоциирующихся с западным миром Японии, Южной Кореи, Австралии и Новой Зеландии. Ряд исследователей оспаривают существование объективной категории «Глобального Юга»: в частности, американский политолог Дж. Най младший отмечает, что невозможно сочетать географический фактор и ассоциацию термина с историческим движением неприсоединения, группой стран с развивающимися рынками, «глобальным большинством»¹.

¹Joseph S. Nye, JR. What Is the Global South. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/global-south-is-a-misleading-term-by-joseph-s-nye-2023-11> (дата обращения: 07.03.2025).

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА СТРАНАМИ БРИКС

Позиция каждой из стран БРИКС имеет нюансы. Например, во внешнеполитическом дискурсе России термин зачастую используется в связке с «мировым большинством», которое представляется более широкой категорией [Яковенко, 2024], лишенной географического измерения, что позволяет говорить о любых государствах, не относящихся к «коллективному Западу»¹. Иногда «Глобальный Юг» и мировое большинство выступают как синонимы. С учетом акцента на полицентричную картину мира и множественность путей развития российская трактовка термина не подразумевает безусловного единства «Глобального Юга». Напротив, его многообразие противопоставляется универсализму западного мира. С ним связывается правящее меньшинство, тогда как с отечественным социумом в русском языковом поле связывается большинство, желающее справедливости. Актуализация означенной проблематики в РФ связывается с поворотом на Юг в российской политике [徐飞彪, 王友明, 翟崑等, 2024].

В китайском политическом дискурсе принадлежность к «Глобальному Югу» является, прежде всего, экономической характеристикой, но в широком понимании – идентичностью («身份认同») стран с формирующимися рынками, объединенными схожими историческими обстоятельствами и целями развития, которые возглавляют процесс трансформации миропорядка и тренд новой «инклюзивной глобализации»². Расширительное толкование термина позволяет относить и РФ к странам Глобального Юга. Принадлежность самого Китая к данной категории, так же, как и его статус развивающейся страны³, неоднократно подчеркивался китайским руководством [Кортунов, 2020].

Индия, Бразилия и ЮАР активно используют термин «Глобальный Юг» в качестве основополагающего элемента повестки саммитов G20, последовательно проводимых ими в период с 2023 по 2025 год. Руководствуясь намерением окончательно сформулировать содержание проблематики

«Глобального Юга» в преддверии председательства США [Ebrahim, 2024], указанные страны апеллируют к ней и на других платформах межгосударственного взаимодействия и сотрудничества, таких как БРИКС. Среди перечисленных стран Индия обладает наибольшим весом как в исторической перспективе, имея статус лидера «группы 77» в годы холодной войны, так и в настоящее время, с учетом курса на «многовекторность» внешней политики и намерения правительства Нарендры Модии сформировать пограничную идентичность Индии как страны Глобального Юга и западной державы [张立, 辛逸伦, 2024]. В отличие от ЮАР и Бразилии, в общественно-научном дискурсе Индии также доминирует скепсис относительно участия КНР в «Глобальном Юге» [张龙飞, 2024].

Среди новых членов БРИКС Иран и ОАЭ ориентированы на развитие экономики. В программах правительств этих стран доминирует экономическое измерение. Причем Иран воспринимает торгово-экономическое сотрудничество со странами «Глобального Юга» как путь к выходу из международной изоляции. Руководство ОАЭ формирует механизмы финансовой стабилизации и экономического взаимодействия в рамках «Глобального Юга»⁴.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАТЕГОРИИ «ЮГ» В ИТОГОВЫХ ДЕКЛАРАЦИЯХ БРИКС

Представляется закономерным, что в рамках официального дискурса БРИКС термин «Глобальный Юг» впервые был упомянут во Второй Йоханнесбургской декларации по итогам 15-го саммита объединения 2023 года. При этом косвенные отсылки к данному понятию, выраженные в формулировке «сотрудничество по линии Юг – Юг», дихотомии Юг – Север, акцентировании географического расположения большинства развивающихся стран, использовались практически во всех ранее выпущенных декларациях. В таблице 1 представлен обзор итоговых документов саммитов БРИКС с соответствующими упоминаниями.

Первоначально упоминания обобщенной категории «Юга» были ситуативными и служили дополнительным аргументом в поддержку продвигаемой повестки: достижения целей устойчивого развития ООН или вопроса реформирования мировой экономической системы, в частности, усиления присутствия развивающихся стран в МВФ и ВБ, их равноправного участия в работе структур, Развивающиеся

¹Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/evraziyskaya_economicheskaya_integraciya/1955917/ (дата обращения: 07.03.2025).

²刘建超. 顺应历史大势 携手推进全球南方团结 = Лю Цзяньчао. Следуя историческому тренду, вместе продвигаем сотрудничество между странами глобального Юга. URL: <https://www.iprcc.org.cn/article/4H54LB02kbS> (дата обращения: 07.03.2025).

³习言道. 地处北半球的中国, 为何始终属于“全球南方”? = Си Яньдао. Почему Китай, относящийся к Северному полушарию, всегда был частью «Глобального Юга». URL: <https://news.cctv.com/2024/06/14/ARTIF8tDs2TBZUg0iZS1vD8C240614.shtml> (дата обращения: 07.03.2025).

⁴UAE-BRICS partnerships set to foster global development, prosperity. URL: <https://www.wam.ae/article/b4yuy0-uae-and-brics-partnership-seeking-enhance-global> (дата обращения: 07.03.2025).

КАТЕГОРИЯ «ЮГ» В ДЕКЛАРАЦИЯХ ПО ИТОГАМ САММИТОВ БРИКС

Декларация	Цитата	Контекст
2024 (РФ)	«Глобальный Юг» – 6 упоминаний	«Глобальный Юг» как партнер БРИКС в построении нового миропорядка; «Глобальный Юг» как элемент повестки саммитов G-20 2023–2025; сотрудничество с НБР; поддержка женщин-предпринимателей
2023 (ЮАР)	«Глобальный Юг» – 2 упоминания; «сотрудничество Юг – Юг»	«Глобальный Юг» как элемент повестки саммитов G-20 2023–2025; вступление государств «Глобального Юга» в БРИКС; сотрудничество «по линии Юг – Юг» в достижении ЦУР
2022 (КНР)	«Север и Юг»	Дисбаланс в развитии между Севером и Югом, усугубленный пандемией Ковид-19
2020 (РФ)	«По линии Юг – Юг»	Расширение сотрудничества в области сельского хозяйства
2019 (Бразилия)	«По линии Юг – Юг»	Расширение сотрудничества в области борьбы с опустыниванием
2017 (КНР)	«Север и Юг»	Устранение диспропорций в развитии
2015 (РФ)	«По линии Юг – Юг»; «по линии Север – Юг»	Сотрудничество «по линии Юг – Юг» как дополнение приоритетного для БРИКС сотрудничества «по линии Север – Юг»
2013 (ЮАР)	«Развивающиеся страны на Юге»	Достижение ЦРТ
2012 (Индия)	«Север и Юг»	Трансформация функций Всемирного банка (ВБ)

страны могли принимать участие в международной торговле, несмотря на статус «реципиентов».

Дискурс получил развитие с внедрением формулировки «по линии Юг – Юг», отражающей интенсификацию взаимодействия между развивающимися странами. При первом упоминании в Уфимской декларации 2015 году подобный тип сотрудничества рассматривался в качестве второстепенного для участников объединения БРИКС. Приоритетным оставалось сотрудничество «по линии Север – Юг». Примечательно, что приоритетность последнего не упоминалась ни в одной из последующих деклараций. Вероятно, итоговый документ Саммита в Уфе стал исключением не столько из-за пренебрежения форматом «Юг – Юг» странами БРИКС в первые годы существования объединения, сколько спецификой председательства РФ – страны, не относящейся к «Глобальному Югу». Об этом свидетельствует речь Президента РФ В. В. Путина на встрече лидеров БРИКС в 2015 году. В своей речи Президент РФ акцентировал роль России как связующего звена в логистических маршрутах между быстроразвивающимися экономиками Азии и технологически развитыми и экономически зрелыми государствами Европы¹.

В дальнейшем категория «Север» носила преимущественно негативную коннотацию. Подчеркивалась диспропорция в развитии между Севером и Югом, которую необходимо устранить. В то же время содержание взаимодействия «по линии Юг – Юг» в контексте БРИКС расширилось и стало включать совместные действия, направленные на своевременное достижение целей устойчивого развития (ЦУР). Особо востребованными были позитивные сдвиги в области сельского хозяйства и защиты окружающей среды.

В ходе XV Саммита БРИКС формулировка «Глобальный Юг» вошла в категориальный аппарат БРИКС, с учетом расширения объединения за счет стран «Глобального Юга», а также в русле повестки последовательных председательств в G20 трех исторических членов БРИКС. В то же время в обоих случаях использование термина обозначало скорее группу стран, нежели проблематику, которая могла бы стать постоянным элементом повестки объединения. В ходе XV Саммита БРИКС формулировка «Глобальный Юг» и вошла в категориальный аппарат БРИКС. Что же способствовало закреплению такой формулировки? Во-первых, немалую роль сыграло расширение БРИКС за счет стран «Глобального Юга» Во-вторых, идея «Глобального Юга» отчетливо актуализировалась в русле повестки последовательных председательств в G20 трех исторических членов БРИКС. Вместе с тем в обоих случаях использование

¹Встреча лидеров БРИКС с главами приглашенных государств. URL: <http://brics2015.ru/transcripts/20150709/403159.html> (дата обращения: 07.03.2025).

термина обозначало скорее группу стран, нежели проблематику, которая могла бы стать постоянным элементом повестки объединения. Поэтому существует вероятность, что упоминание «Глобального Юга» было ситуативным и отражало в первую очередь официальный дискурс страны-председателя.

ПОВЕСТКА ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА НА САММИТЕ БРИКС 2024 ГОДА

В преддверии Казанского саммита российское председательство БРИКС 2024 года термину «Глобальный Юг» (одно упоминание) предпочитает более распространенный в политическом дискурсе РФ термин «мировое большинство» (три упоминания). Данные показатели прослеживаются на страницах официального сайта российского председательства БРИКС. Они свидетельствуют о намерении РФ обеспечить международное признание концепции «мирового большинства» и увеличить собственную дискурсивную силу. Тем не менее в отсутствие документально оформленного видения концепции «мирового большинства», соответственно – понимания со стороны остальных стран БРИКС, ее использование в качестве альтернативы термину «Глобальный Юг» в ходе двусторонних и многосторонних обсуждений на саммите представляется проблематичным. Косвенным подтверждением данного факта является использование исключительно формулировки «Глобальный Юг» в декларации прошедшего Саммита, без единого упоминания «мирового большинства». Итоговый документ содержит шесть случаев употребления первого термина, преимущественно в качестве маркера страновой принадлежности к группе государств с развивающимися рынками. В качестве отдельного пункта выделена

необходимость усиления голоса стран «Глобального Юга» и соответствующей повестки в рамках саммитов G20, но без уточнения содержания последней.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показывает, что категория «Юг» и связанные с ней формулировки регулярно использовались в официальных заявлениях лидеров стран БРИКС. Тем не менее термин «Глобальный Юг» стал новацией в дискурсе БРИКС. Несмотря на активное апеллирование к понятию в ходе последнего Саммита, на данный момент преждевременно говорить об устоявшейся практике его употребления в рамках БРИКС, тем более что у пяти исторических членов означенной международной организации существует как минимум три подхода к интерпретации «Глобального Юга». Используя терминологию модели Юэ Шэнсуна, остается признать, что разрозненность политических концепций и отсутствие устойчивых программных концепций не позволяют говорить о сформированном координационном дискурсе. Тем не менее для определения потенциальной конкурентоспособности нарождающейся дискурсивной системы БРИКС требуется проанализировать философские концепции – общие для стран БРИКС ценностно-нормативные представления о функционировании международной системы.

На уровне координационного дискурса воспроизводство термина «Глобальный Юг» в БРИКС будет зависеть от политической воли Бразилии, Индии и ЮАР, согласования общей позиции стран объединения по конкретизации содержания повестки «Глобального Юга» для ее дальнейшего международного продвижения от имени БРИКС.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кисленко И. Ю. О роли понятий «глобальный Север – Юг» в глобальной социологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. № 2. С. 116–128.
2. Дегтерев Д. А. К окончанию «постколониального момента» антиколониальной борьбы: контуры исследовательской программы // Постколониализм и современность. 2023. № 1 (1). С. 13–46.
3. Апалькова Т. Г., Левченко К. Г. Исследование объективности концепции противопоставления «Глобального Севера» и «Глобального Юга» математико-статистическими методами // Управленческий учет. 2021. № 6–2. С. 443–449.
4. Яковлев П. П. Страны Глобального Юга и проблемы глобального управления в интересах устойчивого развития // Постколониализм и современность. 2023а. № 1 (1). С. 79–102.
5. Кортунов А. В. Кризис миропорядка и глобальный Юг: монография / под ред. Т. С. Богдасаровой, О. А. Пыловой. М.: Российский совет по международным делам, 2020.
6. Худайкулова А. В. Объясняя безопасность глобального Юга: западные и незападные подходы // Вестник СПбГУ. Международные отношения. 2020. Т. 13. № 3. С. 394–417.

7. Яковенко А. В. Картина нарождающегося мира: Глобальный Юг // Проблемы национальной стратегии. 2024. № 1 (82). С. 42–57.
8. 朱泓宇, 史安斌. “全球南方”传播理论的历史与命题: 全球“知”网的想象力 [J]. 对外传播. 2024. № 10. С. 8–12 = Чжу Хуньюй, Ши Аньбин. История и положения теории коммуникации глобального Юга: видение сети глобального знания // Современные коммуникации. 2024. № 10. С. 8–12.
9. 周桂银. 全球南方思想资源与国际关系理论创新 [J]. 吉林大学社会科学学报. 2024. 5: 152–163 = Чжоу Гуйинь. Концептуальные источники глобального Юга и инновации в теории международных отношений // Вестник общественных наук Цзилиньского университета. 2024. № 5. С. 152–163.
10. 张立, 辛逸伦. 印度莫迪政府的“全球南方”外交转向 [J]. 现代国际关系. 2024. 4: 77–95 = Чжан Ли, Синь Илунь. Поворот на «Глобальный Юг» дипломатии правительства Моды в Индии // Современные международные отношения. 2024. № 4. С. 77–95.
11. 张龙飞. 印度智库对中印关于“全球南方”领导权之争的认知评析 [J]. 南亚研究季刊. 2024. 3: 1–16 = Чжан Лунфэй. Анализ восприятия китайско-индийского противостояния за лидерство в «Глобальном Юге» индийскими аналитическими центрами // Исследования Южной Азии: ежеквартальный журнал. 2024. № 3. С. 1–16.
12. 徐飞彪, 王友明, 翟崑等. “大金砖”与“全球南方”: 合作、治理与变革 [J]. 俄罗斯东欧中亚研究. 2024. 3: 1–43 = Сюй Фэйбяо, Ван Юмин, Чжай Кунь [и др]. «Большой БРИКС» и «Глобальный Юг»: сотрудничество, управление и трансформация // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. 2024. № 3. С. 1–43.
13. 岳圣淞. 观念, 话语与制度演化: 国家主话语理论与中国实践 [J]. 当代亚太. 2023. 4: 131–165 = Юэ Шэнсун. Концепции, дискурс и эволюция институтов: теория дискурсивного институционализма и китайская практика // Современный Азиатско-тихоокеанский регион. 2023. № 4. С. 131–165.
14. Melo M. P., Buckhart T. R. A constitutionalism “of” the Global South? Epistemological reflections on emerging constitutional trends // Revista de Estudos Constitucionais, Hermenêutica e Teoria do Direito. 2022. № 3. P. 420–438.
15. Hempel F., Ranke K. The Use of the Concept “Global South” in Social Science & Humanities // Institut für Asien- und Afrikawissenschaften. 2014, July 11. URL: https://www.academia.edu/7917466/The_Use_of_the_Concept_Global_South_in_Social_Science_and_Humanities
16. Яковлев П. П. «Глобальный Юг»: концептуальные подходы и социально-экономические процессы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 14. № 2. С. 6–27.

REFERENCES

1. Kislenko, I. Yu. (2020). On the role of the “global North-South” notions in global sociology. Vestnik of Saint Petersburg State University. Sociology, 13(2), 116–128. (In Russ.)
2. Degterev, D. A. (2023). To the End of the ‘Postcolonial Moment’ of the Anti-colonial Struggle: Outlines of the New Research Program. Postcolonialism and modernity, 1(1), 13–46. (In Russ.)
3. Apal’kova, T. G., Levchenko, K. G. (2021). The study of the objectivity of the concept of contrasting the “Global North” and the “Global South” by mathematical and statistical methods. Management Accounting, 6–2, 443–449. (In Russ.)
4. Yakovlev, P. P. (2023a). Global South Countries and the Problems of Global Governance in the Interests of Sustainable Development. Postcolonialism and modernity, 1(1), 79–102. (In Russ.)
5. Kortunov, A. V. (2020). Krizis miroponyadka i global’nyi Yug: monografiya = World Order Crisis and Global South: the monograph. Moscow: Russian international affairs Council (In Russ.)
6. Khudaikulova, A. V. (2020). Explaining the security of the global South: Western and Non-Western approaches. Vestnik of Saint Petersburg State University. International Relations, 13(3), 394–417. (In Russ.)
7. Yakovenko, A. V. (2024) A Sketch of the Emerging World: the Global South. National Strategy Issues, 1(82), 42–57. (In Russ.)
8. 朱泓宇, 史安斌. “全球南方”传播理论的历史与命题: 全球“知”网的想象力 [J]. 对外传播. 2024. 10: 8–12 = Feng Shi (2024). History and propositions of the “Global South” communication theory: vision of the Global knowledge network. International Communications, 10, 8–12. (In Chinese)
9. 周桂银. 全球南方思想资源与国际关系理论创新 [J]. 吉林大学社会科学学报. 2024. 5: 152–163 = Zhou Guiyin. (2024). Ideational Resources of the Global South and Theoretical Innovation of International Relations. Jilin University Journal Social Sciences Edition, 5, 152–163. (In Chinese)
10. 张立, 辛逸伦. 印度莫迪政府的“全球南方”外交转向 [J]. 现代国际关系. 2024. 4: 77–95 = Zhang Li, Xin Yilun. (2024). Turn to the “Global South of the Modi administration in India. Contemporary International Relations, 4, 77–95. (In Chinese)

11. 张龙飞. 印度智库对中印关于“全球南方”领导权之争的认知评析 [J]. 南亚研究季刊. 2024. 3: 1–16 = Zhang Longfei. (2024). Analysis of Indian Think Tanks' Perceptions of the Sino-Indian Leadership Struggle over the "Global South". South Asian Studies Quarterly, 3, 1–16. (In Chinese)
12. 徐飞彪, 王友明, 翟崑等.“大金砖”与“全球南方”:合作、治理与变革 [J]. 俄罗斯东欧中亚研究. 2024. 3: 1–43 = Xu Feibiao, Wang Youming, Zhai Kun et al. (2024). Greater BRICS Cooperation and the Global South: Cooperation, Governance and Transformation. Russian, Central Asian & East European Studies, 3, 1–43. (In Chinese)
13. 岳圣淞. 观念, 话语与制度演化: 国家主度话语权理论与中国实践[J]. 当代亚太. 2023. 4: 131–165 = Юэ Шэнсун. (2023). Ideas, discourse and institutional change: theory of discursive institutionalism and China's experience. Journal of Contemporary Asia-Pacific Studies, 4, 131–165. (In Chinese)
14. Melo, M. P., Buckhart, T. R. (2022). A constitutionalism “of” the Global South? Epistemological reflections on emerging constitutional trends. Revista de Estudos Constitucionais, Hermenêutica e Teoria do Direito, 3, 420–438.
15. Hempel, F., Ranke, K. (2014, July 11). The Use of the Concept “Global South” in Social Science & Humanities. Institut für Asien- und Afrikawissenschaften. URL: https://www.academia.edu/7917466/The_Use_of_the_Concept_Global_South_in_Social_Science_and_Humanities (дата обращения: 07.03.2025).
16. Yakovlev, P. P. (20236). Global South: Conceptual Approaches and Socio-Economic Processes. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, 14(2), 6–27. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Новикова Ирина Николаевна

доктор исторических наук, доцент
профессор кафедры европейских исследований
факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета

Алексеева Елена Витальевна

магистрант 2-го курса программы «Исследования БРИКС»
факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Novikova Irina Nikolaevna

Doctor of History (Dr. habil.), Associate Professor
Professor of the Department of the European Studies
School of International Relations
Saint Petersburg State University

Alekseeva Elena Vital'evna

2nd Year Master's student of the program «BRICS Studies»
School of International Relations, Saint Petersburg State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.03.2025
10.04.2025
06.04.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication